

Военные сочинения Ф.И. Дмитриева-Мамонова

© М. Ю. ОСОКИН,

кандидат филологических наук

Два военных сочинения бригадира Ф.И. Дмитриева-Мамонова «Эпистола от генерала к его подчиненным» (1770) и «Правила офицеру» (1771) имеют разные источники. Первое представляет собою зарифмованные воинские инструкции с отрывками из трактата маркиза Себастьяна Вобана «Об атаке и обороне крепостей» и излагает воинское искусство от наступлений и растагов до фортификации и взятия крепостей. Вторая книжка более автобиографична и учит офицеров, как продолжать военную службу и добиваться чинов, не участвуя в баталиях.

Ключевые слова: XVIII век, Ф.И. Дмитриев-Мамонов, Себастьян Вобан, эпистола, военные сочинения, источник, биография.

DOI: 10.31857/S013161170001621-2

Two military books published by Brigadier General F.I. Dmitriev-Mamonov, «Epistle From A General To His Subordinate» (1770) and «Rules for officers» (1771), have come from different sources. The first one has been rewritten in verses of military instructions in addition of some parts of Sébastien Vauban's treatise «De L'Attaque et de la Defense Des Places» and it describes the art of war from advance and halts to fortification and capture of a fortress. The second book is more autobiographical and it advises military officers how to be success in their career path and to get promotion without any participation in combat.

Keywords: XVIII century, F.I. Dmitriev-Mamonov, Sébastien Vauban, epistle, military works, source text, biography.

В 1772 году отставной бригадир Ф.И. Дмитриев-Мамонов, подписывавший свои литературные сочинения псевдонимом Дворянин-философ, опубликует в прибавлении к «Московским ведомостям» нумерованный список тезисов семнадцати рукописных «философических книг без имени Автора», сочиненных «на Российском языке» и находящихся у него в доме [1]. Тезисы содержат резонерские «рассуждения о разных материях»

на манер популярных сборников моралистов и выглядят как набор максимум, основанных на разных литературных приемах, видах логических рассуждений или типах риторических высказываний: притча, сравнение, аналогия, афоризм, апофегма, каламбур, аллегория. Принято было считать, что этих «письменных книг» не существовало, что список «имитирует названия книг» [2] и представляет собою «паренезу, облеченную в форму книжного каталога» [3]. В предположении, что Мамонов использовал газету для публикации своих изречений, нет ничего невероятного: оригинальные сочинения за счет авторов печатались в частном порядке в прибавлениях, но тем более нет ничего невероятного в том, что все 17 тезисов отсылают к ранним рукописным сочинениям Мамонова, которые предстоит разыскать.

Во-первых, газеты постоянно использовались для рекламы книг, объявления о продаже книг в «Московских ведомостях» составляют 50% всех объявлений о продаже. По подсчетам И. Карповой, в «Московских ведомостях» было размещено 2376 (с учетом повторов 6554) объявлений, так или иначе связанных с продажей печатных изданий; в 1756–1789 годах 200 человек подали в газету 1141 объявлений (с учетом повторов – 3283) о продаже книг [4].

Во-вторых, объявление заканчивается предложением: «Желающие оныя книги переписать чистою и хорошею рукою, на многое число экземпляров, для раздачи безденежно любителям наук, могут явиться в оном [г-на бригадира] доме у дворца Эркертова». Дмитриев-Мамонов, использовавший газеты для хозяйственных целей, поиска семейных реликвий и рекламы своих коллекций (всего, по моим подсчетам, с 1769 по 1773 год он разместил в петербургской и московской газетах более десятка объявлений), этим «известием» зазывал публику в свой московский дом на Мясницкой улице, где устроил музей со «всеми зримой библиотекой», а значит, должен был суметь предъявить эти книги.

В-третьих, ему были свойственны титаническая графомания и страсть к изготовлению рукописных книг, а принципиальная анонимность («без имени Автора») разъяснена в предисловии к переведенной им «Любви Психеи и Купидона» Ж. де Лафонтена – первой изданной им книге, которую он сопроводил собственной аллегорией «Дворянин-философ»: «Но да отпустят мне все г. Стихотворцы, Писатели, Читатели, Переводители, что я не полагаю своего имени, при начале сего моего перевода. Причина тому есть та, что я великую охоту имею сочинять и писать, но не желаю слыть ни стихотворцом, ни писателем, ни переводителем. Не для того, чтобы я не почитал оныя свойства весьма славными, всем пылающим разума, но для того, что я родился нетщеславен» [5].

Наконец, в-четвертых, «философические книги» пересекаются по содержанию с известными сочинениями Мамонова, в том числе с двумя

напечатанными анонимно в начале 1770-х годов книгами: «Эпистолой от генерала к его подчиненным» [6; далее – «Эпистола»] и «Правилами, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может» [7; далее – «Правила»]. Им корреспондируют максимы о благородстве в чинах и о храбрости. 13-я философическая книга («Речь военного человека, с параграфом: я никогда не оставлял моей шпаги, для того, что знаю как употреблять ея») соотносится с «Эпистолой», которая имеет подзаголовок «Генерал в поле со своим войском» и представляет собой речь, обращенную к младшим чинам. Тезис 1-й рукописной книги сформулирован так: «Непросвещен тот человек, который почитает свой чин выше своего лица. Он, удивляясь своему чину, мыслит, что и всем есть то ж удивление. Благородно рожденный человек во всех чинах, во всех щастиях и нещастиях, бывает всегда таков же, всегда бывает неприменен». Тут, вероятно, закамуфлирован выпад против скоропостижно выслуживших дворянство: дворянин по крови заслуживает чин и воспринимает его как естественное приложение к своему званию, недворянин же наследует «подлое» отношение к чину, поэтому не успевает привыкнуть к своему состоянию, удивляется ему и думает, что так же его воспринимают другие. Это, однако, не отрицание пользы петровской табели о рангах, а наблюдение, которое надо читать в контексте другого мамоновского наблюдения, завершающего «Правила»: «...благодетельной человек всегда постоянен, а напротив того порочной всегда трус» [7. С. 31], где добродетель, конечно, связывается с благородным происхождением. В 10-й философической книге говорится: «Муж, который добровольно приемлет на себя вид и должность жены в нехрабрости, есть гнусен пред очми разума, и паче еще когда то делает муж престарелой». Эта антитеза «муж/жена» в отношении к храбрости встречается в «Эпистоле»:

Но свойство умереть в покое есть женам,
С оружием умереть есть свойство всем мужам [6. С. 4].

О дезертирах там же сказано:

Но с бою кто уйдет иль в стан чужой, иль в крепость,
Такому мужем слыть, конечно, есть нелепость [Там же. С. 20].

Отношение Мамонова к службе вполне видно из этих двух произведений, опубликованных в начале 1770-х, а написанных, вероятно, на досуге после отставки во второй половине 1760-х. Именно так сочинялась рифмованная речь генерала:

Простите все мне то, которые б желали,
Чтоб мало оных строк войны б все описали:
То дело многих лет и труд есть предприимать,
Я здесь писал, себя хотел лишь забавлять.

Сей труд есть малых дней и мысли упражненны,
Мне зделали часы тем больше сокращенны [Там же. С. 31].

Именно так Мамонов будет описывать свой досуг в «Поэме Россия» (1773):

Пером означить мысль не труд мне – утешенье,
Мне вместо карт играть то времяпровожденье [8. Л. 12].

В «Правилах», жанр которых определен как «дружеское наставление», рассказывается о способах продвигаться в чинах и приобретать благосклонность начальства. Правила адресуются тем солдатам и офицерам, которые не получили хорошего воспитания, но хотят, тем не менее, делать карьеру. Без полезных качеств, дающихся воспитанием, – «добродетельной нрав, приятые обхождения и знание в науках» (они же «благонравие» и «светские обращения»), – военные обходятся чинами, доказывает Мамонов и подходит к предмету с двух сторон: описывает то, что может повредить, и полезные качества. В правилах объясняется, как компенсировать недостатки воспитания, приобрести навыки учтивости и благородного обхождения в знатных домах и с теми разумными людьми, которые выше чинами и знатностью; как скрасить «непригожую» наружность порядком в одежде и экипаже, последнему вопросу – форме и карете – уделено чрезвычайно много внимания, почти пять страниц [7. С. 7–10, 16].

«Правила» автобиографичны. Во-первых, они рассказывают, как молодой человек, не получивший систематического образования, может восполнить эти недостатки, важная роль тут отводится домашнему воспитанию, самообразованию и чтению книг [7. С. 29]. Во-вторых, они рассчитаны на мирное время: это руководство, как получать выгоды по службе, не участвуя в баталиях, через бесполезные на войне благонравие и светские обращения, почти правила полковника Скалозуба. Мамонов учился дома всем наукам и языкам. В 1739 году, с одиннадцати лет, был записан лейб-гвардии солдатом Семеновского полка [9. С. 191]. Он был потомственным семеновцем: в 1708–1709 годах этим полком командовал его дядя, Иван Ильич «Старшой»; другой его дядя Иван Ильич «Средний» Дмитриев-Мамонов, погибший при штурме шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года, был порутчиком лейб-гвардии этого полка; в том же полку служил его отец, Иван Ильич Дмитриев-Мамонов «Меньшой» (22.XI.1694–12.XII.1732). Дальнейшее образование Федора Мамонова – это самообразование со всеми свойственными ему следствиями: бессистемностью, но и оригинальной самостоятельностью воззрений. Позже он скажет о себе как о человеке, много лет «обращавшемся с книгами» [10. Л. 5]. Элитарный Семеновский полк с 1741 года, когда была битва со шведами близ Фридрихсгама, и за все время пока там числился Мамонов ни в каких военных кампаниях не

участвовал. Эта спокойная служба многих угнетала. Когда началась Семилетняя война (1756–1763), семеновские офицеры пытаются выбить командировки к действующим войскам, но успевали в этом единицы [см. об этом: 11]. Мамонову быстро давались чины, он дослужился до капитана-поручика, причем последний чин получил 25 ноября 1758 года по случаю дня вступления на престол Елизаветы Петровны [12]. 25 декабря 1761 года он по собственному желанию выпущен в заграничную армию в 3-й Нарвский пехотный полк, а там был произведен в полковники и стал его командиром [9. Т. 2. С. 73; 13]. Нарвский полк, в отличие от Семеновского, в начале Семилетней войны принимал участие в сражениях – 19 августа 1757 года при Гросс-Егерсдорфе, где потерял половину офицеров, еще через два года – в сражениях при Пальциге (12 июля 1759) и Кунерсдорфе (1 августа 1759), но Мамонову за годы службы в нем не пришлось воевать, разве что путешествовать. В 1763 году вместе с полком, квартировавшим в Курляндии, он участвует в торжествах по случаю приезда герцога Бирона, «когда его было вступление на трон» в Митаве [8. Л. 71 об.], а в 1764 году – в походе в Польшу, куда Екатерина отправила русские войска провозглашать королем Станислава Понятовского [10. Л. 44 об.]. В марте 1765 года, когда полковнику Мамонову исполняется 37 лет, он, воспользовавшись указом Петра III о вольности дворянства от 18 февраля 1762 года, выходит в отставку бригадиром, а Нарвский полк 19 апреля получает нового командира Василия Ушакова [14. С. 191]. В результате решающую роль в «Правилах» Мамонова играют две школы (домашнее воспитание и школа большого света) и два способа самообразования (чтение книг и знатные дома как училище хорошего вкуса). Общение со сверстниками вредно, ибо порождает неосторожность нравах (бесцеремонность, шутки, невежество), а со старшими и знатными – наоборот, полезно, главное быть при этом учтивым, а не болтливым и самовлюбленным. Дипломатично умалчивается, но подразумевается, что помимо навыка благородного обхождения учтивость с высшими чинами приносит иные дивиденды.

«Эпистола» менее автобиографична. Она рассказывает о военных кампаниях, осадах городов и даже о взятии крепостей, которые Мамонову брать никогда не приходилось, поэтому закономерно встает вопрос об источниках. Один цитатный слой составляют, как указывалось [Там же. С. 185–186; 15. С. 99–100], петровские указы и воинские инструкции, например, описание отношений генерала с подчиненными в терминах родства, с которого начинается эпистола – «Послушайте друзья, послушайте о дети, / Вам должно всем меня, отца вместо имети, / Мне должно вас любить как истинных детей» [6. С. 3], совпадает с черновым наброском Петра I – статьей, собственноручно прибавленной императором в 1722 году к Уставу Воинскому 1716 года: «Понеже

офицеры суть солдатам яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отеческим содержать; и понеже дети перед отцами суть безсловны во всяком послушании, полагая надежду свою на отцов со всем, чего ради отцы не дремотное попечение о их состоянии имеют, о их учении, пропитании и всяком снабдении...» [15. С. 99]. 17 ноября 1764 года утверждена «Инструкция полковничья пехотному полку», по которой все чины обязывались полковнику послушанием и повиновением; на нее указывалось как на возможный источник фрагмента «Эпистолы генерала» о почитании чинов:

Послушайте о вы! чины все рядовые,
Чтоб способ нам иметь победы таковые.
Вам должно все чины, которы старей вас,
Толико почитать, как око ваших глаз [6. С. 4].

Глава первая «О должности полковника вообще» начиналась следующим пунктом: «Главному в полку начальнику, то есть полковнику, все чины от первого до последнего подчиняются; он о всех и в полку произшествиях повседневно получает и словесные рапорты чрез майора или подполковника и соответствует во всех делах, что до службы касается, делать порядочные и соответствующие тому распоряжения, кои безпрекословно и без переговоров по самой точности от всех его подчиненных исполняемы быть должны» [14. С. 185–186].

Петр в представлении Мамонова законодатель и завоеватель, ему принадлежит заслуга привнесения порядка в российскую армию, которое обеспечило победы:

Почтение чинам душа всего порядка,
Премудры пчелы тем, что чтится в рое матка.
Как Швед порядок войск нас лучше наблюдал,
Он войска завсегда тем наши побеждал;
Но лучше их, когда порядок мы узнали,
Уж Шведы никогда пред нами не стояли.
Довольно уж в пример одной Полтавы здесь,
Свидетель дел ПЕТРА, и свет дивится весь [6. С. 5–6].

Здесь упомянуты события Северной войны: неудачная осада Нарвы и поражение русских войск (1700), после которого Петр взялся за реорганизацию армии, и победа русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении 1709 года. Мысли о субординации и послушании («Чин старший над таким, есть должен надзирати / Но чтите, чина чин, еще вещаю к вам» [Там же. С. 5]) могли иметь образцом книгу «Беспечный философ» Фридриха II Великого, переложенную в стихи Василием Майковым: «Чему детей своих Бог брани научает, / Скомкнувшись с тихостью во взводах чтоб стоять, / И очи устремя, к начальнику взирать, / Послушным быть ево велительному слову, / Внимая глас ево и

быть к всему готову. / Когда он что велит, тогда то исполнять, / К движению скорому себя приобучать» [16]. Возможно, «Эпистола» тоже задумывалась как сочинение автобиографическое, но собственного опыта не хватило, и тогда Мамонов сбивается на пересказ русского перевода трактата «О осаде и обороне крепостей» («De L'Attaque et de la Defense Des Places», 1737–1742) маркиза Себастьяна Вобана. Положение о том, что для осады нужно достаточно людей, чтобы окружить крепость, причем окружение выставляется дальше пушечного выстрела —

Так крепость естли кто намерен осадить,
Потребно толь людей, чтоб крепость окружить.
Но в отдаленности, чтоб пушка не вредила,
Под пушки кто придет, побита ляжет сила [6. С. 24] —

целиком заимствовано из четвертой главы вобановского трактата «О окружении мест»: «...окружение места учреждают таким образом, чтоб всем вдруг приступить к оному немного далее пушечного выстрела, где показываясь партиями со всех сторон, что вне города людей или скота найдут перенимать, или убивать должны» [17. С. 8]. Мамонов повторяет за Вобаном тезис о важности карт местности, в которую отправляется генерал с командой: «И тем мой инженер столь должен землю ведать, / Что карту точную стране той должен сделать» [6. С. 10], ср. в главе «О примечаниях к лутчему распознанию крепостей»: «Ныне мало таких мест в Эвропе находится, с которых мы планов не имели, многие из таких планов уже напечатаны и в книжных лавках продаются <...> они во время атаки мест немалую пользу приносят. Чего ради по моему мнению как чертежей так и карт о положениях мест кругом крепостей пренебрегать не должно» [17. С. 19]. Оттуда же переходит терминология, введенная русским переводчиком трактата — будущим преподавателем геометрии и фортификации Шляхетного кадетского корпуса Иваном Ремезовым, например:

Тут *сапою* тебе уж должно есть иттить.
И составляя вал из множества снарядов,
Ты будешь скрыт и тем от всех ружей зарядов <...>
А в нынешние дни тут нет других машин,
Как *туры* и *мешки* и множество *фашин*,
И *мантелетами* от пуль щитятся градских [6. С. 27–28] —

это метризованное переложение следующего фрагмента: «Когда она [*саппа*] назначена <...> тогда приготавливают на том месте, где она зачата быть имеет, *довольное число туров, фашин, песошных мешков, железных вил, крюков, чекмарей, [деревянных молотов] мантелетов* и протчего» [17. С. 39]. Совет разделить армию на две части «осаждающую» и «стерегущую», с тем чтобы одна занималась осадой, а другая слежением за врагом

(«*ходить* и *примечать*») заимствован из главы восьмой «О намерении и учреждениях к осадам». Его стихотворная версия:

И в людях так когда, столь силен ты бываешь;
Что город с всех сторон способно облегаешь,
То войска оныя в две части раздели;
Одну оставь *ходить* и *примечать* вели,
Откуда крепость та всю помощь получает;
Да сей твой кор-Волан, то все уничтожает.
С другою частию открой траншею там,
Где лучше крепость брать, что ум ты учит сам [6. С. 24] –

вплоть до лексических совпадений имеет прозаическое соответствие в русском переводе трактата, сделанном будущим преподавателем геометрии и фортификации Шляхетного кадетского корпуса Иваном Ремезовым: «...когда мы осажу какогонибудь места упражняемся, <...> всего лутче быть сильнейшим, а наипаче когда две армии иметь можно, из которых бы одна к действительной осаде, а другая для осторожности употреблена быть могла. Та, которая осаждаёт, окапывается линиями, <...> напротив того другая, которая для осторожности, ничего более не делает как только туда и сюда *ходит*, *примечает* неприятельския движения, занимает все дороги, где б неприятель показаться, стать или укрепить себя мог <...> Стерегающая армия делает осаждающей в начале осады великую помощь, ибо она о содержании ея старание иметь, оную умножать, оберегать, фашины делать, и многия другия услуги ей показывать может; напротив того осаждающая армия, по прошествии 6 или 7 дней по начатии траншей, и получа уже некоторую пользу пред тем местом, может остерегающую армию во время нужды умножить» [17. С. 4–5]. Местами Мамонов проявляет самостоятельность: «Но коль вдруг с разных мест, транше не хочешь весть, / Атак фальшивых вид потребно делать есть» [6. С. 25]. Вобан упоминает фальшивые атаки, но не рекомендует их: «Я не советую делать фалшивыя атаки, потому что неприятель когда усмотрит сей обман в 3, или 4, первые дни по начатии траншей больше на оную не токмо смотреть не станет, но и пренебрегать ее будеть. И так сие будет только напрасной труд и убыток» [17. С. 27]. Умножать примеры излишне, описание вобановского опыта занимает почти треть «Эпистолы», при этом автор оставляет отсылку к источнику. Если захочешь взять крепость, советует Мамонов, следуй инструкциям Вобана, он лучший в этом деле и сам взял много крепостей: «Зри Вобанов Манер <...> Читай весь труд его, я кратко здесь писал» [6. С. 29]. Ссылка предвосхищает мамоновский принцип указывать прозаические источники текстов, которые метризируются и зарифмовываются. В рукописной «Поэме Россия» [8], где перелагается в стихи российская история, стихотворец отсылает в сносках или прямо в текстах к историям В. Татищева,

М. Щербатова, Ф. Эмина, И. Гизеля, А. Манкиевича, З. Орфелина, немецким и французским энциклопедиям и т.д.

В отличие от «Поэмы Россия», которая осталась неизданной и известной узкому кругу читателей (среди которых, впрочем, был академик Герхард Фридрих Миллер, сохранивший ее в своем архиве), «Эпистолу» заметили. На одном из экземпляров Императорской публичной библиотеки была начертана такая эпиграмма:

Но кто ж сей дивный муж, кто пел так вдохновенно
И сладкогласно так все хитрости военны,
Растаги и марши, и оборону сел?
Скажу вам на ушко: он попросту — осел!
И коль таков он был, как младший генерал,
То про себя в стихах ни мало не соврал!
К его филиппикам еще б прибавить нужно...
Да только вирши плесть теперь мне недосужно [14. С. 195].

Сочинитель знал, что автор эпистолы — бригадир (младший генерал), пуанта отсылала к заключительным стихам, где говорится, что сочинение — плод досуга: «То дело многих лет и труд есть предпринимать, / Я здесь писал, себя хотел лишь забавлять» [6. С. 31]. При этом в эпиграмме *восемь* стихов, то есть, автор, вероятно, откликнулся на предложение Мамонова критикам сочинить самим хотя бы десять строк:

Но те, что знают лишь чужды труды читать,
Коль естли дар писать в ничто хотят вменять,
Да лучше способ сей собою испытают,
Пускай они хоть строк десяток сочиняют [Там же. С. 32], —

но отказался написать больше восьми, чтобы не уподобляться сочинителю эпистолы. Над мамоновской «Эпистолой» потешались в XIX веке. Солецизм «И больше, чем он есть исправности премер, / То громчае слывет он честной Офицер» [Там же. С. 6] превзошел хрестоматийный анаколупф грибоедовского Скалозуба: «Мне совестно, как честный офицер» (не исключаю, что А.С. Грибоедову попалась на глаза эта книжка). В Исторической библиотеке в Москве хранится экземпляр «Эпистолы генерала», подаренный А.И. Герценом К.Д. Кавелину. На обложке рукой Герцена надписано: «Другу моему Кавелину дарю сию эпистолу, в коей выражены все те чувства, кои к нему питаю. А. Герцен. 1846. 30. IX. Legat epistolam! совет Константину». Рукой Огарева ниже приписано: «Кавелин решил передать его эпистолу в вечное и потомственное владение Огареву, из дворян коллежскому регистратору, который сам Аллегория и Философ». Последние слова перефразируют надпись с обложки «Эпистолы»: «сочинителем Аллегории дворянина философа» [18]. Библиограф А.И. Анушкин обнаружил в Ялте в доме № 1 по Черноморскому переулку тайник с 50 книгами из библиотеки

Владимира Жемчужникова (один из авторов, писавших под псевдонимом Козьма Прутков) с пометами владельца, в том числе, «Эпистолу» Мамонова [19], которые, как полагают [20], были частью «творческой лаборатории» Козьмы Пруткова. Прямых параллелей с «Эпистолой» кажется, нет, но она могла подсказать сам жанр «Военных афоризмов для гг. штаб- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов» — кондовых военных поучений в стихах.

Литература

1. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Известие // Прибавление [4-е] к № 64. Московских ведомостей. В пятницу августа 10 дня, 1772 года.
2. Кочеткова Н.Д. Дмитриев-Мамонов Федор Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 275.
3. Буланин Д.М. Газетные объявления Ф.И. Дмитриева-Мамонова // Дмитриев-Мамонов Ф.И. Псалтирь переложенная на оды. СПб., 2006. С. 296.
4. Карпова И.Л. Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2009.
5. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] К читателю // Любовь Псиши и Купидона, Сочиненная г. де ла Фонтеном. М., 1769.
6. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле с своим войском. Изданная сочинителем аллегории дворянина философа. М., 1770.
7. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. М., 1771.
8. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Поэма Россия Дворянина философа [в четырех песнях]. РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). Оп. 3. Ед. хр. 237.
9. Дирин П. История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883. Т. I-II.
10. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Богословия Дворянина-философа, сочиненная им самим. Рбф ГАЯО. Ф. 97 (Помещики Кожины). Оп. 1 (1627–1822 гг). Ед. хр. 32.
11. Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка 1683–1854. СПб., 1852. Т. II. С. 473–476.
12. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям в пятницу декабря 4 дня 1758 года. С. 8.
13. Реэстр. Кто имяны Всемилостивейше от Его Императорского Величества, в нижеписанных числах лейбгвардии в полках, и в сухопутном Шляхетном кадетском корпусе пожалованы в чины. [СПб., 1762]. С. 1, 3.
14. Российский М.А. Очерки истории 3-го Пехотнаго Нарвскаго генерал-фельдмаршала Князя Михаила Голицына полка. М., 1904.

-
15. *Роголин Н.Г.* «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005.
  16. Военная наука из книги Безпечный философ, сочинения его величества короля пруссакого. Стихи Василья Майкова. М., 1767. С. 4–5.
  17. [*Вобан С. ле Претр.*] Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана, <...> переведена чрез Ивана Ремезова <...> СПб., 1744.
  18. Письма Огарева к Герцену. II. «Акшенский период» (1846-1851) Публикация Ю. Красовского // Литературное наследство. Герцен и Огарев. М., 1953. Т. 61. С. 779.
  19. *Анушкин А.* Библиотека В.М. Жемчужникова // Альманах библиофила. М., 1975. С. 92–105.
  20. *Левченко В.* Библиотека Козьмы Пруткова // Вопросы литературы. 1975. № 6. С. 316.

Москва